

Воля (Еще раз к теме "Наука и Социальные преобразования")

Эррико Малатеста

3 января 1914

Эррико Малатеста
Воля (Еще раз к теме "Наука и Социальные преобразования")
3 января 1914

Volontà, год 2-й, №1

ru.anarchistlibraries.net

Существенное свойство научной истины заключается в том, что она может быть *показана* или *доказана*. Либо *показана* чувствам с помощью наблюдения и эксперимента, либо *доказана* разуму так, что с ней невозможно не согласиться. В первом случае истина называется *экспериментальной* (опытной) и всегда может быть скорректирована более точными и широкими наблюдениями и новыми экспериментами. Во втором случае она называется *логической* или *математической* истиной и, если нет ошибки в рассуждениях, кажется абсолютно достоверной – по крайней мере, до тех пор, пока человеческий разум остается таким, какой он есть в данный момент.

Экспериментальная наука изучает факты: факты настоящие и прошлые, но никак не будущие, поскольку то, что еще не существует и еще не произошло, не является *фактом*. Констатируя повторение одних и тех же фактов

при одних и тех же обстоятельствах, наука приходит путем индукции к установлению «законов природы». Истина этих законов тем более вероятна, чем более обширными и длительными были наблюдения, на основе которых они были выведены. А, наряду с экспериментальными науками, логика и математика стремятся открыть и доказать те универсальные, необходимые истины, которые можно назвать законами понимания, законами человеческого разума.

Таким образом, наука, открывая законы природы – то есть устанавливая, что за определенными фактами обязательно должны следовать другие определенные факты, – предвидит, предсказывает будущее. И если бы было правдой, что всё подчинено законам природы; если бы было правдой, что никакая спонтанная, созидательная сила не может вмешаться в качестве свободного фактора и изменить ход естественных фактических процессов, то наука, достигнув своего совершенства, могла бы предвидеть абсолютно всё. Но тогда, если всё предсказуемо, значит, всё предопределено; и совершенно бесполезно, иллюзорно тратить силы ради достижения какой бы то ни было цели. Социальные науки были бы возможны постольку, поскольку они пытаются открыть законы, которым следует жизнь человеческих обществ; но были бы смешны те партии, которые ставят себе целью осуществление чего-либо, всякое человеческое усилие было бы тщетным. Если что-то должно обязательно произойти, оно всё равно произойдет в свое время без того, чтобы кто-то боролся за его осуществление; а если оно не должно произойти, оно не произойдет вопреки всем человеческим желаниям и усилиям.

Нельзя быть анархистом, нельзя быть социалистом, нельзя быть вообще человеком, стремящимся к какой

бы то ни было цели, если не исходить из предпосылки – осознавая это или нет, признаваясь в этом или нет – о ответственности человеческой воли.

Конечно, эта воля не всемогуща, поскольку она обусловлена законами природы; но она становится тем более мощной, чем дальше продвигается в открытии этих законов. Знание этих законов, хотя и кажется, что ограничивает её власть, на самом деле дает ей возможность осуществлять свои желания, дает ей реальную силу.

И поскольку в мире человек живет не один (да и в одиночку он не мог бы обратить силы природы себе на пользу), воля каждого является более или менее действенной в зависимости от того, способствуют ли воли других людей его воле или противодействуют ей.

Задача естественных наук – открывать непреложные законы физического мира, которым человек должен подчиняться, чтобы использовать их. Задача социальных наук (и только выполняя эту задачу, они являются истинными науками) – открывать, определять, каковы необходимые факты, фатальные законы, вытекающие из сосуществования людей в различных обстоятельствах, в которых они могут оказаться; и тем самым предотвращать тщетные усилия и делать так, чтобы воля разных людей вместо того, чтобы парализовывать друг друга, содействовали общей цели, полезной для всех.

Мода применять Науку ко всему и подкреплять ею свои стремления – вразрез с желанием во что бы то ни стало оказаться правым – привела к тому, что каждый заставлял Науку говорить то, что было ему на руку, а также к тому, что почти все обобщения, к которым пришли деятели социальных наук, лишены подлинно научной основы и являются

отрицанием научного духа, который должен быть объективным, бесстрастным, верным фактам и безразличным к последствиям.

Консерваторы, например, возвели в ранг естественных законов нынешние условия жизни общества, которые на самом деле являются следствием навязывания воли одних людей воле масс с целью господства и эксплуатации. Сторонники прогресса изобрели закон непрерывного, необходимого, бесконечного прогресса и насильствовали историю, чтобы предписать общественной эволюции фантастические линии (прямые, круговые, спиральные), не обращая внимания на то, что прогресс – это совершенно разные для каждой партии вещи и что каждый называет прогрессом то, что приближает осуществление его собственных желаний.

Никто не сделал различия между фактами и желаниями; никто не сказал того, что было истиной, а именно: я хочу, чтобы отношения между людьми были такими-то и такими-то, потому что мне так нравится.

Анархия доказывается наукой! говорят многие наши товарищи.

Но пусть попробуют убедить, что анархисты правы, – того, кто равнодушен к чужим бедам, кто любит жить чужим трудом, кто находит удовольствие в том, чтобы видеть себя окружённым покорными рабами!

Напрашивается один довод: любой, кто не лишён разума, вынужден признать доказанную истину, даже когда она ему неприятна.

Чувство нельзя сообщить иначе, как разбудив в душе другого аналогичное чувство.

А анархия вся основана на чувстве: на уважении к человеческой личности и на любви ко всем людям.

Наука – когда появится настоящая социальная наука – сможет дать ценные указания о том, как лучше всего удовлетворить то или иное чувство; но она не может создать это чувство и не может сказать, что одно чувство лучше другого.

И человеческое освобождение¹ может быть только актом воли: воли тех, кто этого освобождения желает.

То, что мы поспешно высказали здесь, может послужить ответом тем, кто спрашивал нас, почему мы дали нашей газете необычное название «Воля»².

Мы хотели утвердить силу воли против всех по сути фаталистических теорий, которые либо остаются бесплодными, не имеющими никакого практического значения, – и тогда это логическая нелепость, непрерывно подтачивающая любое рассуждение; либо их доводят до логического конца, – и тогда они гасят всякий энтузиазм и парализуют всякую деятельность

Более того, нам показалось, что даже независимо от философской точки зрения это слово – *воля* – хорошо синтезирует концепцию анархического общества, которое может быть только обществом людей, *добровольно* сотрудничающих ради блага всех.

Эррико Малатеста

¹ Redenzione – буквально, «искупление».

² Volontà.